

Безгин Владимир Борисович

ОБЫДЕННОСТЬ ВОЙНЫ

В статье дан анализ публикаций журнала "Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики" по истории Первой мировой войны. Рецензируемые статьи посвящены различным антропологическим аспектам военной повседневности, таким как трансформация жизненных ценностей военнослужащих, дезертирство, беженство, употребление спиртных напитков.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/6-1/57.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12): в 3-х ч. Ч. I. С. 227-231. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОППОНЕНТ

Уважаемые коллеги! Три года назад вышел первый номер нашего журнала. С самого начала мы старались сделать его открытым для разных авторов и читателей — от начинающих исследователей до выдающихся ученых. Для нас не было запретных тем в сфере исторических, философских, политических наук, культурологии и искусствоведения. Наши рецензенты смело вступали в полемику с авторами, старались как можно оперативнее отвечать на Ваши письма, как можно быстрее делать общедоступными Ваши научные труды. Чтобы эффективнее двигаться дальше, пришло время оглянуться назад, оценить публикации журнала по наиболее актуальным темам со стороны, наметить новые важные вопросы. Для этого мы вводим рубрику «Официальный оппонент», в которой известные специалисты в различных областях гуманитарных наук, редакторы и члены редколлегий других научных и общественно-политических изданий выскажут свое мнение о статьях в журнале «Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики». Архив научных статей см. <http://www.gramota.net/materials.html>

УДК 930.24

В статье дан анализ публикаций журнала «Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики» по истории Первой мировой войны. Рецензируемые статьи посвящены различным антропологическим аспектам военной повседневности, таким как трансформация жизненных ценностей военнослужащих, дезертирство, беженство, употребление спиртных напитков.

Ключевые слова и фразы: Первая мировая война; повседневность; морально-психологический облик военнослужащих; дезертиры; беженцы; антиалкогольная кампания; губернская администрация.

Владимир Борисович Безгин, д.и.н.

*Тамбовский государственный технический университет
vladyka62@mail.ru*

ОБЫДЕННОСТЬ ВОЙНЫ©

Первая мировая война 1914-1918 гг. оказала мощное, системное воздействие на все стороны жизни населения воюющих держав, явилась переломным этапом в развитии не только государственности и общественной жизни европейского социума, но привела к явным изменениям повседневной жизни миллионов людей, вобрав в себя трагические и героические страницы, кризисные и модернизационные явления, формируя собственный опыт войны у целых поколений и отдельных личностей. Примечательно, что война повлекла существенные, тотальные изменения в повседневной жизни, образе мыслей, поведении и стратегиях выживания большинства ее участников и участниц не только на театре военных действий, но и в глубоком тылу.

При всем многообразии литературы по Первой мировой войне, ее научная проблематика остается малоизученной в современной историографии. В Советском Союзе эта война на протяжении десятилетий оставалась забытой. Она не заняла достойного места в исторической памяти общества и не стала частым объектом исторических исследований. Да и зарубежные ученые не уделяли особого внимания влиянию Первой мировой войны на Россию, предпочитая исследовать события революции 1917 г. Отрадно, что в последние годы историографическая ситуация меняется, о чем свидетельствует ряд публикаций, посвященных проблемам психологии человека на войне, повседневности жизни тыла, дезертирства, беженства и др. Свой заметный вклад в историографию Первой мировой войны внес в последние годы и журнал «Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики» [1-4; 7; 9-12].

С нашей точки зрения, особенно интересна реконструкция повседневных реалий простых людей. Она способна раскрыть масштабы воздействия военного фактора на их судьбы, выявить способы адаптации семей призванных на войну запасных нижних чинов, проанализировать стратегии выживания и настроения крестьянского социума дореволюционной России.

Тема «Человек на войне» стала одной из перспективных тем в изучении антропологического аспекта войны. Анализу трансформации ценностных представлений военнослужащих российской армии в годы войны посвящена статья Я. В. Валяева. Автор попытался выяснить факторы, оказывавшие воздействие на представления о человеке на войне. По его мнению, к ним относились ярко выраженный машинный характер, расширение территориальных рамок, привлечение огромного человеческого ресурса [2, с. 28].

Война стала тяжелейшим психологическим испытанием для её участников. Солдаты испытали на себе всю разрушительную мощь современной войны, являясь свидетелями многочисленных жертв артобстрелов и авиаударов. Исследователь верно замечает, что обыденность смерти в повседневности войны рождала у

военнослужащих чувство отчужденности и собственной ненужности в ней. Он указывает и на факторы, которые позволяли преодолеть это ощущение. Они выражались в поддержке боевого духа новобранцев командирами, сослуживцами и духовном наставничестве полковых священников [Там же, с. 29]. Следовало бы более основательно и подробно рассмотреть роль капелланов в деле сохранения нравственных ценностей военнослужащих в условиях жестокости фронтовых будней.

Особое внимание автор статьи уделил психологии рядового участника военных действий, русского крестьянина, ставшего солдатом в результате мобилизации. Он тонко подметил и аргументированно обосновал восприятие солдатом хода военных действий через призму крестьянской ментальности, традиционного опыта представителя аграрного социума.

Процесс трансформации ценностных представлений военнослужащих был тесно связан с теми переменами, которые произошли в ходе войны в социальном и кадровом составе русской армии. В результате массового призыва необученных новобранцев, восполнения дефицита офицерского корпуса за счет вчерашних студентов и служащих отношения между командирами и подчиненными претерпели существенные изменения. Суть произошедших перемен Я. В. Валяев усматривает в «либерализации отношений между начальником и подчиненным», в «изменениях социальных отношений, особенно между командиром-дворянином и солдатом-крестьянином, в сторону их упрощения и смягчения» [Там же]. Данный вывод не вызывает возражения, т.к. во многом объясняет реакцию военнослужащих на события февраля 1917 г.

В рецензируемой работе нашел свое отражение и гендерный аспект проблемы. Опираясь на известные воспоминания участницы войны Марии Бочкарёвой, автор указывает на трудности адаптации женщины в армейской среде, связанные со стереотипами сексуального восприятия солдат-мужчин [Там же, с. 30]. Вывод автора о том, что борьба за равенство полов в армии приняла необратимый характер, представляется поспешным и неподкрепленным фактическим материалом.

В работе затронута интересная и в научном плане продуктивная тема роста антигерманских настроений в обывательской среде и армейских частях. Начало войны с Германией действительно вызвало настороженное, а порой и неприязненное отношение россиян к немцам, народу страны-противника в войне. Следует отметить, что такие настроения в большей мере были характерны для городской среды. Жители российского села в этом вопросе отличались большей толерантностью, подтверждение тому - отношение крестьян к немецким военнопленным, отправленным на работы в деревни прифронтовых губерний.

Одним из глобальных факторов воздействия войны на армию, да и на общество в целом, стал нравственный излом, который во многом предвосхитил последующее развитие событий в стране. «Война нанесла сильный удар по нравственным качествам военнослужащих, поскольку обладание оружием вытеснило правовые нормы мирного времени, а ситуация выживания на фронте способствовала пересмотру нравственных стандартов, свойственных довоенному периоду» [Там же]. Миллионы крестьян, одетые в солдатские шинели, были привиты насилием. Война с ее жертвами и торжеством насилия стала для военнослужащих явлением обыденным, и в этом заключался весь трагизм её последствий. И то, что главной фигурой в событиях 1917 г. и Гражданской войны станет «человек с ружьем», вполне закономерно.

Вступление России в войну вызвало в стране всплеск патриотических чувств. Однако следует заметить, что ура-патриотические манифестации были все же характерны для городов, и прежде всего столичных. Деревня восприняла войну как беду. Начало войны и последующая мобилизация внесли существенные перемены в сельскую обыденность. Приведем свидетельство очевидца. «Веселья в деревне нет, женщины сменили цветные платья на черные. Теперь здесь царит тишина, а ночью творят молитву. В деревне говорят: “Не такое время, чтобы плясать, молиться нужно!”» [7, с. 934].

Неудачный ход войны, её затяжной характер, рост социальной напряженности в обществе - все это привело к тому, что патриотизм угасал, а чувство усталости от военных лишений и недовольство властью нарастали. Свидетельством неблагополучия в армейской среде стал рост числа дезертиров из действующей армии. Исследователь Я. В. Валяев приводит динамику числа дезертиров за период 1915-1917 гг. по Петроградскому и Двинскому военным округам [2, с. 30]. Она свидетельствует о росте пораженческих настроений в армейских частях. Данную тенденцию автор объясняет влиянием революционной пропаганды и подрывной деятельности противника, которые расшатывали основу российской армии. И это справедливо. Но была ещё одна причина, мощный стимул к тому, чтобы изменить присяге и покинуть передовую. Это начавшийся с весны 1917 г. в российской деревне «черный передел». Солдаты-крестьяне напряженно наблюдали за развернувшейся в селе борьбой односельчан за землю, а часть их дезертировала, боясь опоздать к вождельному разделу помещичьих, казенных и частновладельческих земель. В этих действиях также выразился прирост жизненных ценностей и ментальных установок военнослужащих - вчерашних крестьян.

Проблема дезертирства и борьба с ним местных властей стали темой статьи Р. Н. Иванова. Исследовательские задачи автор увидел в том, чтобы показать механизм поисков беглых солдат на территории Воронежской губернии; рассмотреть, как взаимодействовали гражданские и военные власти в деле борьбы с дезертирством; выявить, насколько эффективны были предпринимаемые меры. Для достижения поставленной цели им были использованы циркуляры и распоряжения воронежского губернатора, переписка командиров воинских частей и руководства госпиталей и эвакуационных пунктов с губернской администрацией, рапорты и донесения полицейских чинов [3, с. 72].

Именно широкое использование архивных источников позволило исследователю изучить проблему глубоко и основательно. На основе документов военного ведомства, губернского правления, полицейского управления установлен механизм розыска дезертиров и дана оценка эффективности проводимых мероприятий.

В результате проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что механизм розыска дезертировавших нижних чинов на территории Воронежской губернии в 1914-1916 гг. был недостаточно эффективным. Причины этого он усматривает в отсутствии должного взаимодействия между различными уровнями власти и различными ведомствами и халатном отношении к своим обязанностям военно-полицейских и административных властей на местах [Там же, с. 74]. Это, конечно, верно. При всем административном рвении губернских властей, вся работа по розыску дезертиров лежала на нижних чинах полиции и должностных лицах сельского самоуправления, они особой активностью в этом вопросе не отличались. Причина этого заключалась не в халатном отношении к своим обязанностям, а в скрытой симпатии к дезертирам. В условиях прозрачности сельских отношений факт самовольного возвращения солдата домой скрыть было трудно, сам автор отмечает, что на территории губернии по-прежнему было много случаев самовольного проживания воинских чинов у родственников сроками от нескольких дней до недели и более. В другом месте исследователь прямо указывает на упорство крестьян слободы Бутурлиновка, скрывающих беглых солдат [Там же]. Таким образом, на местах отношение к дезертирам выразилось в том, что сельская администрация их просто не искала, местные жители не доносили об их появлении, а родные делали все, чтобы их присутствие было малозаметным. Следует также учитывать перемены в общественном настроении, выразившиеся в непопулярности войны и дискредитации власти.

Среди наиболее важных перемен в повседневной жизни российского общества, наряду с мобилизацией мужчин, традиционными тяготами военной поры (дороговизна, беженство, ограничение потребления и т.п.), стало введение запрета на продажу водки. Результаты запрета винной торговли изучались как современниками, так и в послевоенные годы. Из современных работ выделим статью А. Мак-Ки, специально исследовавшего причины, концепцию и последствия введения «сухого закона» в России в период Первой мировой войны 1914-1918 гг. [6]. Не оставил без внимания эту проблему и Р. Н. Иванов. В своей статье «Борьба с распространением и употреблением спиртных напитков в Воронежской губернии в 1914-1916 гг.» он исследовал и это проявление повседневности войны [4].

В свете современного подхода власти к проблеме алкоголизма в стране, данная тема определенно актуальна, а опыт борьбы местных властей с этим пагубным явлением полезен. Своей задачей автор поставил не только выяснить характер мер губернской администрации по борьбе с распространением и употреблением спиртного, но выявить ошибки и недочеты в ее проведении, а также оценить ее результаты [Там же, с. 75]. Как и предыдущая статья, это исследование воронежского историка основано на широком круге архивных источников.

Автор подробно анализирует характер мер, предпринятых губернской администрацией в целях ограничения продажи спиртного. Он выяснил реакцию местного населения, прежде всего новобранцев, на введенные ограничения. Как отмечает исследователь, в ряде мест она вылилась в погромы винных магазинов и лавок. К сожалению, в данном сюжете не проведено сопоставление с аналогичными событиями в целом по стране.

Ограничение продажи спиртного закономерно вызвало рост потребления населением суррогатов и спиртосодержащих жидкостей. Содержание использованных Р. Н. Ивановым документов четко отражает характер этого явления повседневной жизни военного времени, а также дает возможность оценить адекватность мер в борьбе с ним местной администрации. Автор обоснованно обращает внимание на злоупотребление полицейских чинов в ходе осуществления запретительных мер, что значительно снижало эффективность антиалкогольной кампании [Там же, с. 76].

Хорошо аргументированы и отличаются практической значимостью выводы, к которым пришел автор в результате своего исследования. Недостатки в борьбе с распространением и употреблением спиртных напитков в Воронежской губернии в 1914-1916 гг. он усматривает в недостаточной продуманности действий, отсутствии четкой стратегии и невозможности властей заставить соблюдать установленные ими правила, халатности и злоупотреблении полицейских чинов. По мнению исследователя, губернская администрация действительно сумела взять под контроль легальную продажу спиртных напитков, но оказалась совершенно не готова к борьбе с суррогатами [Там же, с. 77].

К аналогичным выводам приходит в своей статье исследователь из Самары Е. Ю. Семенова. Подводя итог научных изысканий, она отмечает, что «в деле закрытия лавок и магазинов, торгующих спиртным, запрещении его производства частным образом принятые чрезвычайные меры оказались несостоятельными, а подпольная торговля и самогонование “процветали” весь период войны» [10, с. 175].

В отличие от Р. Н. Иванова автор не ограничился рамками одной губернии, изучив явление в масштабах городов поволжских губерний. Обширный фактический материал, сведенный в таблицы, позволил выяснить отношение городских обывателей к запрету продажи спиртного; оценить масштабы нелегальной продажи алкоголя; установить количество задержанных в нетрезвом виде в поволжских городах в годы войны; выявить случаи злоупотребления спиртным новобранцами и военнослужащими; представить данные о торговле и употреблении городским населением суррогатов [Там же, с. 171-175].

В заключение, оценив весь спектр настроений горожан, вызванных введением «сухого закона», Е. Ю. Семенова отмечает развитие у обывателей поволжских городов таких форм социальных практик, как самогонование, шинкарство, употребление алкоголя и его суррогатов, доносительство на лиц,

изготавливающих и продающих спиртное [Там же, с. 175]. Такой вывод логически вытекает из содержания статьи и обоснован использованным фактическим материалом.

Еще одной приметой обыденности Первой мировой войны являлись беженцы. Проблема беженцев в войне в последние годы стала одной из перспективных тем в изучении антропологии войны. Научного осмысления требуют вопросы исхода населения в ходе военных действий и их жизнь в местах водворения, государственное попечение об эвакуированном населении, характер взаимоотношений беженцев с местными жителями и др. Изучению правового статуса беженцев и их обеспечению посвящена статья Л. Г. Поляковой. На примере Черноморской губернии автор поставила задачу исследовать проблему нормативно-правового статуса беженцев и проанализировать систему государственной помощи им [7, с. 145].

Правовая основа государственной деятельности в этом вопросе была заложена «Законом об обеспечении нужд беженцев» от 30 августа 1915 г. Согласно закону беженцами признавались лица, оставившие местность, угрожаемые неприятелем, либо им уже занятые, либо выселенные распоряжением военных или гражданских властей из районов военных действий. На основании этого закона с сентября 1915 г. до конца 1917 г. действовало «Особое совещание по устройству беженцев». Автор статьи отмечает, что уже на первом заседании особого совещания от 10 сентября 1915 г. губернским властям было предложено провести ряд мер в целях оказания помощи беженцам. Стоит согласиться с утверждением Л. Г. Поляковой о том, что принятие закона явилось официальным признанием, что помощь беженцам не должна быть возложена на общественную благотворительность, а представляет обязанность государства [Там же, с. 146].

По данным А. Н. Курцева, массовое прибытие беженцев с западного театра военных действий в тыловые губернии пришлось на вторую половину 1915 г. К середине сентября 1915 г. в различных губерниях находилось около 730 тыс. беженцев, а в следующие 3,5 месяца только маршрутные поезда вывезли на восток свыше 2 млн человек [5, с. 135]. В исследуемой автором Черноморской губернии по состоянию на 1 ноября 1915 г. было зарегистрировано в Новороссийске свыше 1,7 тыс. беженцев и, кроме того, самовольно прибывших еще 300 человек. В начале 1916 г. число беженцев в губернии увеличилось до 2,3 тыс. человек [7, с. 146].

В целях обеспечения беженцев в каждом уезде и крупном городе были созданы постоянно действующие «Комитеты помощи беженцам», а в губернских центрах работали совещания по устройству беженцев под личным руководством губернаторов. В стране было введено регулярное «пайковое» довольствие, из расчета в среднем 20 коп. в день на человека. В Новороссийске только в ноябре 1915 г. на эти нужды было выделено 13 тыс. руб. [Там же].

Определенную помощь в обеспечении беженцев оказали частные средства, собранные в ходе вечеров и сборов. Активную роль в деле помощи беженцам играл Татьянинский комитет. Деятельность местных отделений этого комитета в губерниях была весьма продуктивна. В декабре 1915 г. комитет беженцев получил от Татьянинского комитета 20 тыс. руб. на обмундирование находящихся в Новороссийске беженцев. Обоснованно утверждение автора о том, что проблему беженцев невозможно было разрешить силами лишь государственных институтов, а требовалось привлечение всех общественных сил [Там же].

К сожалению, вне поля зрения автора остались вопросы этнической, социальной принадлежности беженцев, семейного состава их семей, эффективности системы обеспечения. Дав характеристику законодательным актам, принятым государственной властью и определяющим правовой статус беженцев, Л. Г. Полякова не проанализировала содержание решений губернской администрации в этом вопросе.

Рецензируемые работы свидетельствуют об актуальности изучения проблем истории Первой мировой войны. Интерес для исследователей представляет преимущественно социально-психологический аспект военной действительности. Региональные рамки исследований и широкое использование материалов местных архивов обеспечивают авторам необходимую достоверность, а также дают возможность сопоставить полученные выводы с тенденциями в общероссийском масштабе.

Список литературы

1. **Бобровников В. Г.** Благотворительная деятельность комитета Елисаветы Федоровны и Романовского комитета в годы Первой мировой войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 3. Ч. 3. С. 20-22.
2. **Валяев Я. В.** Трансформация ценностных представлений военнослужащих российской армии в годы Первой мировой войны: 1914 - февраль 1917 гг. // Там же. № 4. Ч. 3. С. 28-31.
3. **Иванов Р. Н.** Борьба с дезертирством нижних чинов на территории Воронежской губернии в 1914-1916 гг. // Там же. Ч. 2. С. 72-75.
4. **Иванов Р. Н.** Борьба с распространением и употреблением спиртных напитков в Воронежской губернии в 1914-1916 гг. // Там же. С. 75-78.
5. **Курцев А. Н.** Беженство // Россия и Первая мировая война: материалы международного научного colloquium. СПб., 1999. С. 139-146.
6. **Мак-Ки А.** Сухой закон в годы Первой мировой войны: причины, концепция и последствия введения сухого закона в России: 1914-1917 гг. // Там же. С. 147-159.
7. **Полякова Л. Г.** Беженцы в годы Первой мировой войны: проблемы правового статуса и обеспечения (на примере Черноморской губернии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4. Ч. 2. С. 145-147.
8. **Полянский В.** Деревня во время войны // Орловские епархиальные ведомости. 1914. № 36. С. 933-942.

9. Самохин К. В. Многоликая война // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2009. № 2. С. 81-83.
10. Семенова Е. Ю. Обыватель поволжского города в условиях действия «сухого закона» периода Первой мировой войны: настроения и социальная практика // Там же. Тамбов: Грамота, 2011. № 2. Ч. 2. С. 170-176.
11. Семенова Е. Ю. Роль партий народной свободы и социал-революционеров в формировании мировоззрения городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны // Там же. № 4. Ч. 3. С. 150-156.
12. Суворова А. В. Организация и содержание обучения в начальных учебных заведениях на Южном Урале: 1900 - февраль 1917 гг. // Там же. Тамбов: Грамота, 2009. № 4. Ч. 3. С. 156-158.

WAR ORDINARINESS

Vladimir Borisovich Bezgin, Doctor in History
Tambov State Technical University
vladyka62@mail.ru

The author analyzes the publications of the journal "Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice" on The First World War history. The reviewed articles are devoted to different anthropological aspects of war ordinariness such as military men's life values transformation, desertion, refugees and spirit use.

Key words and phrases: The First World War; ordinariness; moral-psychological image of military men; deserters; refugees; non-drinking campaign; provincial administration.